

АБСТРАКТНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ПОЭЗИИ И. А. КУРАТОВА

Баженова Ольга Николаевна,

аспирант сектора языка,

ФГБУН «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН»

(г. Сыктывкар, РФ), bazhenova-olga2011@mail.ru

В статье подробно исследованы способы образования абстрактных существительных в стихотворениях И. А. Куратова, уточнена и дополнена классификация абстрактных существительных, предложенная О. Лазаром. Наряду с этим рассмотрены приемы, использованные Куратовым для перевода некоторых конкретных существительных в разряд абстрактных, а также обращено внимание на стилистику абстрактных существительных в современном коми языке.

В статье функционально-описательный метод комбинируется со стилевым анализом. Вначале описываются существующие языковые средства, образующие абстрактные существительные в коми языке, затем анализируется их использование в произведениях Куратова. Кроме того, в статье представлена диаграмма количественного использования средств образования абстрактных существительных. Материалом исследования послужили 205 произведений из сборника Куратова «Менам муза», а также тексты современной коми литературы и публицистики. При работе с текстами были привлечены данные «Корпуса коми языка».

Абстрактные существительные в стихотворениях Куратова в основном соответствуют схеме Лазара: а) присутствуют абстрактные существительные, омонимичные прилагательным; б) наибольшее количество абстрактных слов – отглагольные существительные, образованные при помощи суффикса **-ӧм**; в) абстрактные существительные с суффиксами **-лун**, **-тор**, **-ног**, **-туй**, **-ру** составляют значительную часть словарного состава рассмотренных стихотворений. При этом часто употребляемый суффикс **-тор** может находиться в составе слова, определяющего одушевленное существительное.

В XIX в. в коми литературе еще не было устоявшейся литературной традиции, не говоря уже о нормативных справочниках по коми языку и работ по стилистике. Куратов, обладая стилистическим чутьем, передавал оттенки мысли, не ограничиваясь родным среднесыольским диалектом. В результате он создал надежную основу для коми литературы и во многом предопределил пути ее развития.

Ключевые слова: абстрактные существительные; И. А. Куратов; коми язык; стилистика коми языка; коми лексикология.

Для цитирования: Баженова О. Н. Абстрактные существительные в поэзии И. А. Куратова // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, № 1. С. 6–17.

Благодарность: Работа выполнена при финансовой поддержке СИМО (Центра международной мобильности, г. Хельсинки, Финляндия), стипендия Программы поддержки финно-угорских народов России.

Введение

Когда представитель интеллигенции какой-либо из национальных республик РФ ставит перед собой задачу написания научного или публицистического, или официально-делового, или художественного текста на родном языке, то неизбежно сталкивается со следующим вопросом: как сделать так, чтобы текст адекватно воспринимался адресатом? Другими словами, в национальных республиках есть проблема «живого» и «мертвого» языка, которую сформулировала С. В. Едыгарова: «Стандартный удмуртский язык, особенно его пуристическая форма, для многих является искусственным или находится в статусе иностранного языка... Это происходит отто-

го, что часто конструкции русского языка переводятся на национальные языки механически, без “чувства языка”» [3, 45]. В современном коми языке, как и в других национальных языках, остро стоит вопрос о стилистических нормах употребления терминов, при этом тексты должны не только быть понятными, но и стать родными читателю [13, 61].

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью обозначить некоторые особенности развития коми литературного языка, в частности историю формирования абстрактной лексики. Эта неотъемлемая составляющая словарного состава языка обращает на себя внимание в первую очередь в свя-

зи с задачами развития книжных функциональных стилей или, по классификации Ю. Н. Караулова, письменного языка литературы, прессы, государственной документации [8, 3]. Именно способность языка, особенно миноритарного, функционировать в разных сферах общественной жизни подразумевает вопрос его жизнеспособности.

В свете данных вопросов, на наш взгляд, разумно обратиться к опыту художественной литературы, так как одна из основных задач художника слова – поддерживать эмоциональную связь с читателем. Это подразумевает тщательный отбор слов и внимательное отношение к их возможному восприятию. Причем интересно рассмотреть пример литературного и языкового творчества, когда норм литературного языка еще не было, писателю не на что было опираться, и главная его цель состояла не в том, чтобы сказать по-коми, а в том, чтобы сказанное по-коми звучало красиво и живо.

Таким примером является поэзия основоположника коми литературы – Ивана Алексеевича Куратова (1839–1875). Будучи образованнейшим человеком, И. А. Куратов стремился выражать глубокие философские мысли средствами родного коми языка, поэтому у него появилась необходимость в использовании абстрактных понятий и творческом исследовании возможностей их употребления.

Цель данной статьи – раскрыть стилистические особенности абстрактных существительных в поэзии Куратова.

Обзор литературы

Языковое творчество Куратова уже привлекало внимание лингвистов. Изучению наследия поэта посвящен ряд конференций «Куратовские чтения» (1973–1990). Так, Е. С. Гуляев исследовал синонимику в его произведениях [2]. Л. М. Безносикова, Е. А. Игушев, Е. А. Цыпанов рассмотрели использование И. А. Куратовым лексики ограниченного употребления (диалектизм, архаизм и историзм) [1; 4; 12]. Е. А. Игушев, кроме того, проанализировал стилистику разных частей речи в его стихотво-

рениях [5; 6; 7]. Вклад И. А. Куратова в развитие коми литературного языка освещен в работе В. М. Лудыковой¹. Составлением словаря используемой поэтом лексики занимался Г. И. Торопов [11]. Между тем отдельных статей, посвященных вопросу употребления абстрактной лексики в коми стихотворениях Куратова, еще не было.

Материалы и методы

Теоретической основой для исследования послужили монография «Современный коми язык. Лексикология» [10], а также учебное пособие А. Н. Кармановой «Öñia коми кыв. Лексикология»². В статье функционально-описательный метод комбинируется со стилевым анализом. В частности, вначале описываются существующие языковые средства, образующие абстрактные существительные в коми языке, затем анализируется их использование в произведениях Куратова и приводятся некоторые соответствия со стилистикой современного коми литературного языка.

Исследование проведено на материале сборника художественных произведений Куратова «Менам муза» (1979), всего были рассмотрены 205 произведений, а также использованы тексты современной коми литературы и публицистики и привлечены данные «Корпуса коми языка» (komikorpog.ru). Перевод примеров с коми языка на русский осуществлен автором статьи.

Результаты исследования и их обсуждение

Переходя к рассмотрению абстрактной лексики в стихотворениях И. А. Куратова, обозначим некоторые интересующие нас вопросы: с помощью каких языковых средств образованы абстрактные существительные в них, можно ли дополнить классификацию О. Лазара «Абстрактные существительные в зырянском языке»; каким образом абстрактные суще-

¹ См.: Лудыкова В. М. Коми гижод кыв история: учебной пособие. Сыктывкар, 2007.

² См.: Карманова А. Н. Öñia коми кыв. Лексикология: велодчан небог. Сыктывкар, 2004.

ствительные разговорного стиля в стихотворениях И. А. Куратова стали словами, уместными в книжных стилях; как соотносится стилистика абстрактных существительных в поэзии И. А. Куратова с современным коми литературным языком.

Способы образования абстрактных существительных в коми языке

Абстрактным существительным в коми языке не посвящено отдельных исследований. В наиболее полной грамматике коми языка – «Онія коми кыв. Морфология» – об абстрактных существительных сказано, что они по значению противопоставляются конкретным существительным и служат для выражения отвлеченного признака, качества или действия. К грамматическим признакам абстрактных существительных относятся отсутствие (в большинстве случаев) множественного числа и невозможность употребления с ними числительных [9, 41]. Информация о способах образования абстрактных существительных в коми языке имеется лишь в отдельных работах, посвященных неологизмам³.

Одной из обобщающих работ об абстрактных существительных в уральских языках является монография Оскара Лазара “The formation of Abstract Nouns in the Uralic Languages” («Формирование абстрактных существительных в уральских языках») [14]. В главе о коми-зырянском языке автор классифицирует абстрактные существительные по некоторым признакам. Он выделяет внешнеязыковые средства (*extra-lingual means*), т. е. заимствования из русского языка, и внутриязыковые средства (*intra-lingual means*) [14, 170–171]. Внутриязыковые способы образования абстрактных существительных подразделяются на 5 групп.

1. Прилагательное = существительное (*adjective = noun*), когда одно и то же слово может быть как абстрактным существительным, так и прилагательным (*дыш* ‘ленивый’ и ‘лень’). К этой же груп-

³ См.: Куратов В. К. Кӧин котыр: висьтъяс. Сыктывар, 2003.

пе относятся отглагольные каритивные прилагательные, которые функционируют как существительные: *помтӧм* ‘бесконечность’ < *пом* ‘конец’ + суффикс *-тӧм* ‘(отсутствие признака)’ [14, 171].

2. Атрибутивная конструкция (*attributive construction*): *том дыр* ‘молодость’ < *том* ‘молодой’ + *дыр* ‘(период времени)’ [14, 172].

3. Отглагольное существительное (*verbal noun*):

а) образованное от глагола при помощи суффикса *-ӧм*: *дорйӧм* ‘защита’ < *дорйыны* ‘защищать’ [14, 173];

б) прилагательное + отглагольное существительное: *бур вунӧдӧм* ‘неблагодарность’ < *бур* ‘добрый, добро’ + *вунӧдӧм* ‘забывание’ > *вунӧдны* ‘забыть’ [14, 174];

в) существительное + отглагольное существительное: *горш тыртӧм* ‘жадность’ < *горш тыртны* ‘жадничать’ < *горш* ‘горло’ + *тыртны* ‘наполнять’ [14, 175];

г) местоимение + отглагольное существительное: *ӧта-мӧдӧс пыдди пуктӧм* ‘взаимоуважение’ < *ӧта-мӧд* ‘друг друга’; *пыдди пуктӧм* ‘уважение’ < *пыдди* ‘вместо’, *пуктыны* ‘положить, поместить’ [14, 176];

д) инфинитив + отглагольное существительное: *лоны вермӧм* ‘вероятность’ < *лоны* ‘быть’, *вермыны* ‘мочь’ [14, 176];

е) наречие + отглагольное существительное: *гӧля олӧм* ‘бедность’ < *гӧля* ‘бедно’ < *гӧль* ‘бедный’, *овны* ‘жить’ [14, 176];

ж) послелог + отглагольное существительное: *пыдди пуктӧм* ‘уважение’ < *пыдди* ‘вместо’, *пуктыны* ‘положить, поместить’ [14, 176].

4. Словообразование при помощи агглютинативных суффиксов (*Derivation by means of agglutinative formants*). Лазар выделяет 5 суффиксов, которые участвуют в образовании абстрактных существительных [14, 177]:

1) *-лун* – самый частотный абстрактный суффикс в зырянском языке [14, 177]. Он без изменений в структуре слова может присоединяться к следующим основам [14, 178–179]:

а) прилагательное: *долыд* ‘радостный’ > *долыдлун* ‘радость’;

б) причастие: *колан* ‘нужный’ < *ковны* ‘быть нужным’ > *коланлун* ‘необходимость’;

в) каритивное прилагательное: *вынтём* ‘бессильный’ > *вынтёмлун* ‘бессилие’;

г) существительное: *шуд* ‘счастье’ > *шудлун* ‘счастье’;

д) глагол: *эм* ‘есть (быть)’ > *эмлун* ‘собственность’;

2) **-ног** – меньшей частотности, развился от самостоятельного существительного *ног* ‘способ’. В качестве послелога имеет значение ‘в соответствии с, согласно, по’ [14, 179]. Данный абстрактный формант может присоединяться к следующим основам:

а) прилагательное: *бур* ‘хороший’ > *бурног* ‘польза’;

б) причастие: *овны* ‘жить’ > *оланног* ‘образ жизни’;

в) существительное: *ен* ‘бог’ > *енног* ‘благочестие’;

г) числительное: *кык* ‘два’ > *кыкног* ‘двойность’ (*кыкногөн гёгөрвоантор* ‘что-либо, понимаемое двойко’);

д) местоимение: *ас* ‘свой’ > *асног* ‘самобытность’;

3) **-ру** – входит в ряд производных слов (как правило, вышедших из употребления) со значением ‘пар, туман’ [14, 181], например: *йёйру* ‘дурь’ < *йёй* ‘дурак’;

4) **-тор** – довольно редко употребляется в качестве абстрактного форманта [14, 181], например: *унаногатор* ‘многообразие’ < *уна* ‘много’, *нога* [adj] < *ног* ‘способ, образ действия’;

5) **-туй** – возник из самостоятельного слова *туй* ‘дорога’, обычно присоединяется к существительным: *аньтуй* ‘навык хорошей домохозяйки’ < *ань* ‘женщина’ [14, 182].

5. Образование абстрактных существительных, обозначающих меру, при помощи суффикса **-та (-да)**: *кузь* ‘длинный’ > *кузьта* ‘длина’ [14, 182].

Анализ абстрактных существительных в поэзии Куратова

К группе прилагательное = существительное (первая группа по Лазару), встречающихся в стихотворениях Куратова, можно отнести слова *бур* ‘добро, до-

брый’: *Оз, оз кёсийы вёчны бурёс*. ‘Нет, не хочет делать добро (доброе)’⁴ (с. 25); *шог* ‘горе, несчастье, несчастный’: *Сидзнин мекёд налы уна шог!* ‘И так уже из-за меня у них много горя’ (с. 27).

Подробнее остановимся на существительном *горши* ‘жадность, алчность’, приведенном в качестве примера в монографии Лазара. В современном коми языке это существительное имеет абстрактное значение, но употребляется только в составе высказываний, которые носят идиоматический характер и более уместны в разговорном стиле, нежели в книжном, например: *горшитё чинты* ‘умерь свою жадность’; *горши тыртны* ‘утолять жадность’.

Стилистической находкой Куратова можно считать употребление в одном предложении абстрактных и конкретных существительных, при этом разговорное абстрактное слово соседствует с абстрактными книжными словами и, следовательно, употребляется как книжное. Так, в стихотворении “Vorwärts” существительное *горши* стоит в одном ряду с книжным заимствованным словом *талант* в составе однородных подлежащих: *Этшаник эз судз горши и талант!*.. ‘Немного не хватило жадности и таланта!..’ (с. 24), где, будучи употребленным вне идиоматического выражения, приобретает оттенок книжности.

Этот же прием наблюдается и в следующем предложении: *Ме философ этшаника, / Мейн сотчё енлён кень*. ‘Я немножко философ, / Во мне горит искра бога’ (с. 134). Соседство в сочетании *енлён кень* ‘божья искра, талант’ заимствованного книжного слова *философ* и конкретного *кень* ‘искра’ придает последнему абстрактный характер.

Наибольшее количество абстрактных существительных в стихотворениях Куратова – это слова, которые можно отнести к отглагольным существительным (третья группа по Лазару) с суффиксом **-ём**. Их можно разделить на следующие лексические группы:

⁴ Здесь и далее в статье примеры даются по изданию: Куратов И. А. Менам муза: художественной гижд чукёр. Сыктывкар, 1979. В круглых скобках после примера указан номер страницы.

1) экзистенциальные понятия: *олём* ‘жизнь’ < *овны* ‘жить’ + **-ём**: *Тэ, олём, мыйбыр помтём нэма...* ‘Ты, жизнь, о счастье, бесконечна’ (с. 123); *кулём* ‘смерть’ < *кувны* ‘умереть’ + **-ём**: *И быд шудсё кулём бёрсьыс виччысьоны...* ‘И все счастье ожидают после смерти...’ (с. 180);

2) эмоции: *вежпетём* ‘зависть’ < *веж* ‘зеленый’ + *петны* ‘выходить’: *Сейё сийёс вежпетём...* ‘Снедает его зависть...’ (с. 25); *майшасьём* ‘беспокойство, тревога’ < *майшасьны* ‘тревожиться’: *Нэмныс отка майшасьём!* ‘Всю жизнь всё беспокойство!’ (с. 278); *радлём* ‘радость’ < *радлыны* ‘радоваться’: *Муза, радлёмныс мый сэн!* ‘Муза, сколько там радости!’ (с. 175); *полём* ‘страх’ < *повны* ‘бояться’: *Мёдарлань тувдёмны Кулём и полём* ‘С другой стороны стоят неподвижно Смерть и страх’ (с. 160);

3) выражение эмоций: *мелиасьём* ‘проявление нежности’ < *мелиасьны* ‘проявлять нежность’: *Эз некодй аддзыв мелиасьёмс...* ‘Никто не видел проявления моей нежности’ (с. 235); *сералём* ‘смех’ < *серавны* ‘смеяться’: *Тэ коть сералёмьс өлн, Миян синваысь эн мын!* ‘Хоть ты и унял смех, но не избавился от наших слез!’ (с. 120); *бёрдём* ‘плач’ < *бёрдны* ‘плакать’: *Бёрдёмьс оз өв* ‘От плача не унимается’ (с. 94); *гажөдчём* ‘веселье’ < *гажөдчыны* ‘веселиться’: *Квайт лунён ме тарытсья гажөдчёмсө вешта!* ‘За шесть дней искуплю свое веселье этим вечером!’ (с. 62);

4) звукоподражательные слова: *равзём* ‘рев, крик’ < *равзыны* ‘реветь’: *Менсьым равзём эз кыв некод ылысь.* ‘Моего рева никто издали не слышал’ (с. 298); *раксём* ‘карканье’ > *раксыны* ‘каркать’: *Рака мунё нюрөд, Раксём сылөн шог и нор!* ‘Ворона идет по болоту, Карканье ее печально и жалобно!’ (с. 277); *авзём* ‘воплъ’ < *авзыны* ‘вопить’: *Авзём сы вольпасьын кылис...* ‘Вопль послышался в его постели...’ (с. 242);

5) ментальные процессы: *велөдчём* ‘образование’ < *велөдчыны* ‘учиться’, *төддём* ‘знание’ < *төдны* ‘знать’: *Чөвлы, велөдчём и төддём паськаласны регыдик.* ‘Подожди, образование и знание распро-

странятся скоро’ (с. 73); *вунөдём* ‘забвение’ < *вунөдны* ‘забыть’: *Сөмын олөмтө тай вунөдёмьс вешти.* ‘Лишь жизнь твою избавил от забвения’ (с. 31);

б) акты речи: *вөйпөдём* ‘поучение’ < *вөйпөдны* ‘поучать’: *Сидзи мывкыд пөчө / Вөйпөдис том нывлы, / Татшём вөйпөдёмсө / Ме и ачым кывли.* ‘Так мудрая бабушка / Поучала молодую девушку, / Такое поучение / Я и сам слышал’ (с. 28); *вөйпөм* ‘осуждение’ < *вөйпны* ‘осуждать’: *Велөдём и вөйпөм уна йөзлысь кывли.* ‘Поучения и осуждения слышал я от многих людей’ (с. 227), *велөдём* ‘поучение’ < *велөдны* ‘учить’: *Ассьыд велөдёмтө эн тэ помав тайөн.* ‘Свое поучение ты этим не заканчивай’ (с. 174);

7) физические действия: *эндөдчём* ‘упущение’ < *эндөдчыны* ‘распуститься, упустить’: *Бура лөсьөдчём мьсь / Он пов эндөдчёмьс.* ‘Если хорошо подготовишься / Не боишься упущения’ (с. 163); *аддзысьлём* ‘встреча’ < *аддзысьлыны* ‘встретиться’: *Өнтай на тай вөлис налөн аддзысьлём.* ‘Недавно уже была у них встреча’ (с. 118); *вермасьём* ‘борьба’ < *вермасьны* ‘бороться’: *Мыйысь кодкөд вермасьёмьн сийө усьём?* ‘От чего, от борьбы с кем он погиб?’ (с. 187);

8) состояние человека или природы: *гегдём* ‘окоченение’ < *гегдыны* ‘окоченеть’: *Ен мездис гегдёмьс.* ‘Бог спас от окоченения’ (с. 310); *мудзём* ‘усталость’ < *мудзны* ‘устать’: *Мудзём оз тай төд* ‘Не знает устали’ (с. 304); *немдём* ‘наступление темноты’ < *немдыны* ‘темнеть’: *А вой матыстчө на, немдёмсө он дугөд!..* ‘А ночь уже приближается, наступления темноты не остановить!..’ (с. 298).

К этой же группе относятся отглагольные существительные с суффиксом **-ём**, образованные на основе словосочетаний:

– прилагательное + существительное: *тшыгкулём* ‘голодная смерть’ < *тшыг* ‘голодный, голод’ + *кулём* ‘смерть’ < *кувны* ‘умереть’: *Тшыгкулёмьс, бур йөз, мездө!* ‘От голодной смерти, добрые люди, спасите!’ (с. 157); *биависьём* ‘тиф’ < *биа* ‘огненный’ + *висьём* ‘болезнь’ < *висьны* ‘болеть’: *Тиф-биависьём кодь вөлис тай олөмөй.* ‘Похожей на тиф-горячку была, ведь, жизнь моя’ (с. 141);

– существительное + существительное: *мувежсьём* ‘светопреставление’ < му ‘земля’ + *вежсьём* ‘изменение’ < *вежсьыны* ‘измениться’: *Кор мувежсьёмсё меным колё зэв аддзывны*. ‘Когда светопреставление мне очень нужно увидеть’ (с. 67).

Иногда абстрактное существительное употребляется во множественном числе, превращаясь в конкретное: *сёрём* ‘вздор’ – *сёрёмьяс* ‘небылицы’, **-яс** – суффикс множественного числа: *Быдсён лючки пуксьоны сёрёмьяснас* юксьыны. ‘Все удобно усаживаются, чтобы поделиться небылицами’ (с. 175).

Необходимо отметить, что отглагольные существительные с суффиксом **-ём** в настоящее время более уместны в официально-деловом или научном стиле, чем в художественном или публицистическом. В качестве примера приведем предложение из повести Б. Ф. Шахова «Визув паньд». В официальной обстановке героиня заявляет: *Ме лыддя, мый тайё – инженерно-технической работникьяс пысь кодсюрёлён эндёдчём*. ‘Я считаю, что это – упущение одного из инженерно-технических работников’⁵. В неофициальном стиле данное высказывание звучало бы примерно так: *Ме думысь, кодкё инженерно-техническойясысь эндёдчёма* (глагол 3-го лица единственного числа во II прошедшем времени). ‘Мне кажется, кто-то из инженерно-технических упустил (просчитался)’. Таким образом, глагольная конструкция соответствует менее официальному стилю.

В рассматриваемом выше стихотворении «1865 во петигён» есть абстрактное существительное *мусалём* ‘любовь’ < *мусавны* ‘любить’: *Ме аддзи сёмын / Ас шудиён дженьид мусалёмын...* ‘Я нашел лишь / немного своего счастья в короткой любви’ (с. 88). Оно стоит в одном ряду с синонимами *радейтём*, *муслун*, *мусукасьём*. Отглагольное существительное *мусалём* ближе по значению к словам *муслун* и *радейтём*, имеющим оттенок книжности и обозначающим духовную и душевную близость. Это демонстри-

рует фраза из другого стихотворения Куратова, где употребляется производная основа данного отглагольного существительного: *Дёзмёди и тэно: / Съёкыд ёни-й тэныд мусавнытё менё...* ‘Рассердил я и тебя: / Трудно теперь тебе любить меня...’ (с. 115). Речь идет о сфере эмоциональных отношений (*дёзмёдны* ‘досаждать, раздражать’), поэтому глагол *мусавны* ‘любить’, включенный в данный контекст, также обозначает эмоциональную, душевную близость.

В отличие от слов *муслун*, *радейтём*, *мусалём* существительное *мусукасьём*, скорее, служит для обозначения телесных связей: *Налён мусукасьёмыс вёли гусясьём кодь*. ‘Их любовные отношения были похожи на воровство’⁶. В связи с этим представляется не вполне уместным употребление слова *мусукасьём* в научном стиле, тем более по соседству с таким словосочетанием, как *развитие и защита родины: Поэмаас том йёзлён мусукасьём йылысь лирической темаяс йитчёма чужан му сёвмёдём да дорйём темакёд*. ‘В этой поэме лирическая тема любовных отношений молодых людей связана с темой развития и защиты родины’⁷.

Далее следует рассмотрение существительных, образованных при помощи суффиксов **-лун**, **-тор**, **-ног** и **-туй**.

Суффикс **-лун** присоединяется к:

1) прилагательному: *томлун* ‘молодость’ < *том* ‘молодой’: *Со и томлун регыд лэбас мукёдкёд*. ‘Вот и молодость скоро пролетит с другими’ (с. 50); *гёльлун* ‘бедность’ > *гёль* ‘бедный’: *Ёни гёльлун да тай шог...* ‘Сейчас лишь бедность и горе...’ (с. 131); *долыдлун* ‘радость’ < *долыд* ‘радостный’: *Откодя долыдлун сёлёмой кылё*. ‘Равно и радость сердце мое чувствует’ (с. 154); *бурлун* ‘доброта’ < *бур* ‘добрый’: *Гаж и бурлун, шуд и мич*. ‘Радость и доброта, счастье и красота’ (с. 222).

Интересно обратить внимание на необычную форму абстрактного существительного – *томлуанёй* ‘моя милая юность’ < *том* ‘юный’+ **-лун** (суф-

⁵ Шахов Б. Ф. Визув паньд: кык повесть. Сыктывкар, 1980. С. 161.

⁶ Кушманов В. Е. Ёг туруньяс вежёны рёмсё: теш, гаж, серам. Сыктывкар, 1995. С. 96.

⁷ Коми литература: 10-ёд класслы велёдчан небёг. Сыктывкар, 2001. С. 20.

фикс абстрактного существительного) + **-ан-** (ласкательный суффикс) + **-ой** (посессивный суффикс существительного 1-го лица, единственного числа): *Ой, гөрд томлунаной, томлунаной / Йёзёс матёдысьбой!* ‘Ой, прекрасная моя милая юность, милая моя юность, / Людей сближающая!’ (с. 49).

Обычно сочетание суффиксов **-аной** входит в состав конкретных существительных, ср.: *маманой* ‘моя милая мама’, *ныланой* ‘моя милая дочка (девушка)’. В этом стихотворении лирический герой обращается к своей юности как к живому существу, сама форма слова *томлунаной* звучит для коми человека эмоционально, пронзительно, вызывая ассоциации с самым родным, сокровенным;

2) каритивному прилагательному: *яндысьтёмлун* ‘бессовестность’ < *яндысьтём* ‘бессовестный’: *Код эз казявлы яндысьтёмлун...* ‘Кто не замечал бессовестности’ (с. 28); *кувтёмлун* ‘бессмертие’ < *кувтём* ‘бессмертный’: *Еньясой, кувтёмлун восьтё ти.* ‘Боги мои, бессмертие откройте вы’ (с. 216); *шудтёмлун* ‘несчастье’ < *шудтём* ‘несчастный’: *Дженьёдны кызд шудтёмлун.* ‘Как сократить несчастье’ (с. 104);

3) существительному: *шудлун* ‘счастье’ < *шуд* ‘счастье’: *Йёзлысь и ассьым ме шудлун сідз гулі.* ‘И людское, и свое я счастье так крал’ (с. 173); *майбырлун* ‘счастье’ < *майбыр* ‘счастье’: *Томлун-майбырлуныс / Коркё-й сылы волём!* ‘Молодость и счастье / Когда-то и ему достались!’ (с. 252); *вежёрлун* ‘мудрость’ < *вежёр* ‘ум’: *Да кузь юрсивысь корсьё вежёрлун!* ‘И в длинных волосах ищет мудрость!’ (с. 207).

Слово *шудлун* ‘счастье’ встречается во многих других опубликованных авторских текстах: *Но кор шудлунёс вёрёг мырддё, / Сэки ньоти ме абу рам.* ‘Но когда враг отнимает мое счастье, / Тогда я не могу быть спокойным’⁸; *Кодлы висьтавны шудлунсьыс аттьё...* ‘Кому сказать спасибо за счастье...’⁹.

⁸ Изъюров А. С. Югд томлун: кывбурьяс. Сыктывкар, 2006. С. 47.

⁹ Козлов Е. Узьтём войяс...: кывбурьяс. Сыктывкар, 1994. С. 73.

Нам не удалось найти слово *шудлун* в опубликованных фольклорных текстах на сайте *komikoqroga.ru*. В значении ‘счастье’ в фольклорных жанрах употребляется слово *шуд*: *Эзысь-зарни шуд оз сет* ‘Серебро-золото счастья не даст’¹⁰; *Зэв ыджыд шуд лоё старик гозьялы* ‘Очень большое счастье выпало чете стариков’¹¹. Исходя из этого можно предположить, что суффикс **-лун** имеет оттенок книжности, в то время как номинальные значения слов *шуд* и *шудлун* тождественны.

В стихотворении Куратова «1865 во петігён» слово *шуд* употреблено с суффиксом **-шён**: *Ме аддзи сёмын / Ас шудшён дженьыд мусалёмын...* ‘Я нашел лишь / Свое счастьеце в короткой любви’ (с. 88), основное значение которого ‘неполнота, ущербность’. Обычно данный суффикс употребляется в составе существительных, имеющих конкретное значение: *Но вот и пёрысь Педёссялён керкашённыс.* ‘Ну вот и старый дом старой Федосьи’¹². Или в другом стихотворении Куратова: *Шыр ваё буз-баз чөвтчис пыр, / Кокишёнъяснас сынис-мунис / Быдса сыв.* ‘Мышь в воду прыгнула, / Ножками стала грести, проплыла / Целую сажень’ (с. 279).

В стихотворении «1865 во петігён» поэт употребил суффикс **-шён** и в составе абстрактного существительного – *велёдчөмишён* ‘недостаточное, слабое образование’: *Велёдчөмишён пыдди ньөрьялін тэ.* ‘Вместо того чтобы дать хоть какое-то образование, ты сек лозой’ (с. 88). Как отмечает Е. А. Игушев, морфема **-шён** является диалектным вариантом литературного суффикса **-шой**, который также имеет уничижительное значение: ср. *керка* ‘дом’ – *керкашой* ‘старый, развалившийся дом’¹³. Морфема **-шой** в литературном языке является суффиксоидом, который в качестве отдельного слова

¹⁰ Коми мойдьяс, сыланкывьяс да пословицяс. Сыктывкар, 1956. С. 166.

¹¹ Ипатьдорса фольклор: Анастасия Шуктомовалён сыланкывьяс, мойдьяс, шусьёгыяс да сідз водзё. Сыктывкар, 1980. С. 81.

¹² Федоров Г. Кыа петігён: романлён мёд да коймёд юкөнъяс. Сыктывкар, 1962. С. 4.

¹³ Игушев Е. А. Нима кывсикасьяслён стилистика: велёдчан небөг. Сыктывкар, 1998. С. 32.

имеет значение ‘труп, трупный, падаль’, поэтому при употреблении данной морфемы у участников коммуникации могут возникнуть нежелательные ассоциации (особенно это касается поэтических текстов). Возможно, этими ассоциациями объясняется отсутствие в литературном языке абстрактных существительных с данным суффиксоидом. Между тем диалектный суффикс **-шён**, который встречается в поэзии Куратова в составе отвлеченных слов и не имеет конкретных предметных ассоциаций, можно с успехом активизировать в современном коми литературном языке в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть неполноту, ограниченность какого-либо понятия.

Абстрактный суффикс **-тор**, по мнению Лазара, редко употребляется в качестве абстрактного форманта. Однако в стихотворениях Куратова данный суффикс является таким же частотным, как и **-лун**. Лазар не отмечает следующей особенности: абстрактные слова с суффиксом **-тор** могут относиться не только к неодушевленному, но и к одушевленному существительному, что видно на примере стихотворений Куратова: *пыддипуктантор Кёч Закар* ‘Захар по прозвищу Заяц, заслуживающий уважения’ (с. 116); *сэн ме ошкантор* ‘там я заслуживаю похвалы’ (с. 125).

Суффикс **-тор** присоединяется к:

а) прилагательному: *ыджыдтор* ‘нечто великое’ < *ыджыд* ‘большой’: *Ыджыдтор оз шу на...* ‘Покамест не выражает ничего великого...’ (с. 19); *буртор* ‘нечто хорошее’ < *бур* ‘хороший’: *Уна буртор кылас!*.. ‘Услышит много хорошего!..’ (с. 20); *омольтор* ‘нечто дурное’ < *омоль* ‘плохой, дурной’: *Вёла коллысьсьылы юрас омольтор тай пырыштём*. ‘Ящик злое затеял’ (с. 25); *гырысьтор* ‘нечто большое’ < *гырысь* ‘большой, крупный’: *Гырысьтор и сьёкыдтор / Эг ну додь вывсьыс...* ‘Ничего большого и тяжелого не унес с саней...’ (с. 318);

б) каритивному прилагательному: *аддзывтёмтор* ‘нечто невиданное’ < *аддзывтём* ‘невиданный’: *Важ олём абу / Аддзывтёмтор*. ‘Прежняя жизнь не / Не что невиданное’ (с. 253); *мустёмтор* ‘не-

что неприятное’ < *мустём* ‘неприятный’: *Сёмын ыстам мустёмтор?* ‘Только неприятное посылаем?’ (с. 306);

в) причастию: *пыддипуктантор* ‘нечто, заслуживающее уважения’ < *пыдди пуктан* ‘уважаемый’: *колантор* ‘нечто нужное’ > *колан* ‘нужный’: *Колантор, бур нимой, Меысь төлөн төвзьы!* ‘Нужное мне, доброе имя, улетай от меня ветром’ (с. 61); *ошкантор* ‘нечто, заслуживающее похвалы’ < *ошкан* ‘хвалимый’: *Сэн ме ошкантор, / Ыджыд, дзык сар суда!* ‘Там меня хвалят, / Великий, чуть ли не как царь!’ (с. 125); *чужтёмтор* ‘порождение’ < *чужтыны* ‘родить’: *Сьёд дявллөн чужтёмтор!* ‘Черного дьявола порождение!’ (с. 277).

Суффикс **-ног** образует абстрактные существительные от:

а) причастия: *оласног* ‘образ жизни’ < *олас, олан* ‘проживаемый’: *Кутшём оласног / Ёні лоас тиян?* ‘Какая жизнь / Сейчас у вас будет?’ (с. 296);

б) существительного: *еннога* ‘благочестивый’ < *енног* ‘благочестие’ < *ен* ‘бог’: *Кылан, дяк, Еннога манак?* ‘Слышишь, дяк, благочестивый монах?’ (с. 23).

Суффикс **-туй** встречается в составе следующих слов: *морттуй* ‘поведение, характер’ < *морт* ‘человек’, *аньтуй* ‘мастерство, проворность женщины’ < *ань* ‘женщина’¹⁴.

Лазар не выделяет в отдельную группу те абстрактные существительные, которые не имеют в своем составе никакого абстрактного форманта и не являются омонимами прилагательных. Это древние коми слова, обычно образованные по схеме SVC. В стихотворениях Куратова такими являются: *веж* ‘зависть’: *Оз веж пет корысьлөн*. ‘Не вызывает зависти нищего’ (с. 66); *гаж* ‘веселье’, *шуд* ‘счастье’, *мич* ‘красота’: *Гаж и бурлун, шуд и мич*. ‘Веселье и доброта, счастье и красота’ (с. 222).

Кроме упомянутого суффиксального словообразования в художественных произведениях Куратова имеется довольно необычный способ образования абстрактных существительных: абстраги-

¹⁴ Лудыкова В. М. Указ. соч. С. 102.

рование корневой морфемы и превращение ее в самостоятельное слово: *авья* ‘вежливый, серьезный, внимательный’ > *ав* ‘ум, толк’: *Кыдз тэд бур ав ен оз сет?* ‘Как богу не дать тебе хорошего ума?’ (с. 107). Таким же образом образованы некоторые коми неологизмы: *кыпыд* ‘торжественный, радостный’ > *кып* ‘гимн’ (В. Савин «Коми кып»), *мездыны* ‘освободить’ > *мезд* ‘свобода’, *мөвпавны* ‘думать’ > *мөвп* ‘мысль’ [10, 54].

Частотность словообразовательных способов абстрактных существительных представлена на рис. 1.

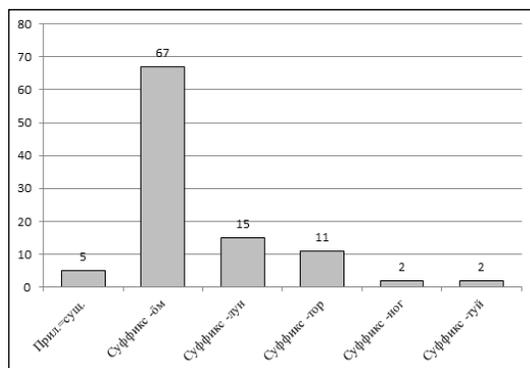

Рис. 1. Способы образования абстрактных существительных в произведениях И. А. Куратова

Fig. 2. Wordbuilding of abstract nouns in the works by I. A. Kuratov

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Абстрактные существительные в стихотворениях Куратова в основном соответствуют схеме, предложенной Лазаром, а именно:

а) присутствуют абстрактные существительные, омонимичные прилагательным (*бур, шог, гори*). Кроме того, по данной модели поэтом образованы неологизмы: *воддза* ‘будущее’ (существительное *водз* ‘перед’ + **-ја** (суффикс прилагательного) и *өнъя* ‘настоящее’ (наречие *öni* ‘сейчас’ + **-ја** суффикс прилагательного);

б) наибольшее количество абстрактных слов – это отглагольные существительные, образованные при помощи суффикса **-йм**;

в) абстрактные существительные с суффиксами **-лун, -тор, -ног, -туй, -ру** также составляют значительную часть

словарного состава рассмотренных стихотворений. При этом суффикс **-тор** употребляется довольно часто и встречается в составе слов, определяющих одушевленные существительные (*пыддипуктантор, ошкантор*). Кроме того, поэт творчески вводит диалектный суффикс **-шён** (показатель неполноты, ущербности) в состав абстрактных существительных (*шудшён, велёдчөмиён*), образуя новые понятия.

2. Схему, предложенную Лазаром, можно дополнить следующими пунктами, подтвержденными примерами из стихотворений Куратова:

а) исконные коми абстрактные существительные, которые не имеют в составе никакого абстрактного форманта и не являются омонимами прилагательных: *веж* ‘зависть’, *гаж* ‘веселье’, *шуд* ‘счастье’, *мич* ‘красота’;

б) абстрактные существительные, образованные путем абстрагирования корневой морфемы и превращения ее в самостоятельное слово: *авья* ‘вежливый, серьезный, внимательный’ > *ав* ‘ум, толк’.

3. Абстрактные существительные разговорно-бытового стиля в стихотворениях Куратова становятся словами, уместными в книжных стилях, с помощью следующих способов:

а) абстрактное слово, характерное для разговорного стиля, употребляется по соседству с книжным и, таким образом, приобретает оттенок книжности: *гори тыртны* (идиом.) ‘утолять жадность’: *Этшаник эз судз гори и талант* ‘Немного не хватило жадности и таланта’;

б) конкретное существительное приобретает абстрактное значение: *сьёкыдвисьём* ‘(букв.: тяжелая болезнь)’ > *сьёкыдвисьём* ‘нечто хлопотное, маетное, затруднительное’, *кень* ‘искра’ > *енлөн кень* ‘талант’.

4. По вопросу соотношения стилистики абстрактных существительных в поэзии Куратова с современным коми литературным языком можно отметить следующее:

а) абстрактные существительные с суффиксом **-йм** (кроме звукоподражательных) более уместны в книжных сти-

лях современного коми языка. Сочетания отглагольных существительных с глаголами представляются стилистически неоправданными, в художественных текстах их лучше избегать;

б) продуктивным способом образования новых абстрактных существительных в коми языке может стать абстрагирование конкретного слова (*кень, съёкыдвисьём*) или употребление разговорного слова рядом с книжным (*горш* и *талант*).

Кроме сказанного, необходимо отметить, что во времена Куратова еще не

сложились литературные традиции, не были опубликованы нормативные справочники по коми языку и, тем более, работы по стилистике. Возможно, пространство для словесного творчества вдохновляло поэта. Он обладал прекрасным стилистическим чутьем, умел передавать оттенки мысли, не ограничиваясь только родным среднесыольским диалектом. В результате была создана основа для будущей коми литературы, и мы по сей день идем теми «родовыми путями», которые для нас наметил поэт.

Поступила 25.01.2018, опубликована 07.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Безносикова Л. М. И. А. Куратов поэзияын йӧз кост сёрниа кывъяс // Куратов йылысь лыддьӧмторъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. Т. 4. С. 91–96.
2. Гуляев Е. С. Синонимика в произведениях И. А. Куратова // Куратовские чтения. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. Т. 1. С. 59–72.
3. Едыгарова С. В. О «живом» и «мертвом» удмуртском языке // Творчество Флора Васильева и вопросы языка, литературы, образования в глобализирующемся мире: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию удмурт. поэта Флора Ивановича Васильева / Глазов. гос. пед. ин-т. Глазов, 2014. С. 43–46.
4. Игушев Е. А. И. А. Куратов гижӧдъясын диалектизмъяслӧн тӧдчанлун // Куратов йылысь лыддьӧмторъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. Т. 3. С. 56–63.
5. Игушев Е. А. И. Куратов кывбуръясын морфологической синонимьяс // Куратов йылысь лыддьӧмторъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. Т. 4. С. 97–100.
6. Игушев Е. А. Иван Куратов кывбуръясын служебной кывсикасьяслӧн стиль боксянь тӧдчӧм // Куратов йылысь лыддьӧмторъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. Т. 5. С. 103–113.
7. Игушев Е. А. Куратов гижӧдъясын частицяслӧн стиль боксянь тӧдчанлун // Куратов йылысь лыддьӧмторъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. Т. 6. С. 138–140.
8. Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания. 2013. № 5. С. 3–27.
9. Оня коми кыв. Морфология / дасьтӧма ф. к. Г. В. Федунева кипод улын. Сыктывкар: Коми небӧг лӧдзанин, 2000. 544 с.
10. Современный коми язык. Лексикология / отв. ред. А. И. Туркин. Москва: Наука, 1985. 207 с.
11. Торлопов Г. И. И. А. Куратов кывлӧн словарь // Куратов йылысь лыддьӧмторъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 119–126.
12. Цыпанов Е. А. И. А. Куратов кывбуръясын кывлӧн важ аслыссикаслунъяс йылысь // Куратов йылысь лыддьӧмторъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. Т. 6. С. 127–132.
13. Цыпанов Е. А. Пути активизации неологизмов в коми-зырянском литературном языке // *Linguistica Uralica*. 2014. № 1. С. 53–64.
14. Lazar O. The Formation of Abstract Nouns in the Uralic Languages. Uppsala, 1975. 334 p.

THE ABSTRACT NOUNS IN THE POETRY BY IVAN KURATOV

Olga N. Bazhenova,

Postgraduate student,

Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), bazhenova-olga2011@mail.ru

The paper deals the ways of forming abstract nouns in the poems by I. A. Kuratov. The author attempts to specify certain points in the classification of abstract nouns proposed by O. Lazar and supports this classification with new details. In addition, it considers the techniques used by Kuratov for shifting specific nouns to the abstract ones as well as it examines stylistics of abstract nouns in the modern Komi language.

The article combines a descriptive method with the stylistic analysis. Firstly, it describes the existing linguistic resources forming abstract nouns in the Komi language, and then considers abstract nouns in the works by Kuratov. Also, the article presents a chart of the quantitative use of the means of forming abstract nouns. The material of the study is a collection of poems 'My Muse' by Kuratov, which includes 205 works, the texts of the modern Komi literature and the data of the Komi texts corpus.

The abstract nouns of poems by Kuratov mainly correspond to the scheme proposed by Lazar, that is to say: a) there are the abstract nouns which are homonymous to the adjectives in the Komi language; b) highest number of abstract words are verbal nouns formed with -öm suffix; c) abstract nouns with -lun, -tor, -nog, -tui, -ru suffixes also play a significant role of the vocabulary of the considered poems. -tor suffix can be used in the nouns meaning also animate objects.

The XIX century did not see any monographs about the stylistics of the Komi language. Maybe such large space for creativity was inspired by Kuratov. He had an excellent feeling for language, and was able to convey different shades of thought, not limited by his native dialect. All this helped Kuratov to lay down the foundations of the Komi literature and to determine the ways of its further development.

Key words: abstract nouns; Ivan Kuratov; the Komi language; stylistics of the Komi language; lexicology of the Komi language.

For citation: Bazhenova ON. The Abstract Nouns in the Poetry by Ivan Kuratov. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 10: 1: 6–17. (In Russian)

Acknowledgment: The financial support for this study was obtained from the Scholarship for Kindred Peoples (Finno-Ugric minorities in Russia) of the Finnish National Agency for Education (Finland).

Submitted 25.01.2018, published 07.06.2018

REFERENCES

1. Beznosikova LM. Dialectisms in the poetry by I. A. Kuratov. *Kuratov iylys' lydd'ömtorjas* = Readings about Kuratov. Syktyvkar; 1986; 4: 91–96. (In Komi)
2. Guliaev ES. Synonyms in the poems by I.A. Kuratov. *Kuratovskie chteniia* = Readings about Kuratov. Syktyvkar; 1978; 1: 59–72. (In Komi).
3. Edygarova SV. About the 'live' and 'dead' Udmurt language. *Tvorchestvo Flora Vasil'eva i voprosy iazyka, literatury, obrazovaniia v globaliziruiushchemsia mire: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posviashch. 80-letiiu udmurt. poeta Flora Ivanovicha Vasil'eva* = The creative work by Flor Vasil'ev and issues of language, literature and ducation in the globalisating world: Proceedings of International Conference for the 80th anniversary of the Udmurtian poet Flor Ivanovich Vasil'ev. Glazov; 2014: 43–46. (In Russian)
4. Igushev EA. The significance of the dialectisms in the works by I. A. Kuratov. *Kuratov iylys' lydd'ömtorjas* = Readings about Kuratov. Syktyvkar; 1979; 3: 56–63. (In Komi).
5. Igushev EA. The morphological synonyms in the poems by I. Kuratov. *Kuratov iylys' lydd'ömtorjas* = Readings about Kuratov. Syktyvkar; 1986; 4: 97–100. (In Komi).
6. Igushev EA. The stylistic significance of the auxiliary words in the poems by Ivan Kuratov. *Kuratov iylys' lydd'ömtorjas* = Readings about Kuratov. Syktyvkar; 1989; 5: 103–113. (In Komi).
7. Igushev EA. The stylistic significance of the particles in the works by Kuratov. *Kuratov iylys' lydd'ömtorjas* = Readings about Kuratov. Syktyvkar; 1990; 6: 138–140. (In Komi).

-
8. Mustaioki A. Varieties of the Russian language: analysis and classification. *Voprosy iazykoznaniiia* = Issues of linguistics. 2013; 5: 3–27. (In Russian).
  9. Öniia komi kyv. The modern Komi language. Morphology. Syktyvkar; 2000. (In Komi).
  10. The modern Komi language. Lexicology. Moskva; 1985. (In Russian).
  11. Torlopov GI. The vocabulary of the language of I. A. Kuratov. *Kuratov iylys' lydd'ömtorjas* = Readings about Kuratov. Syktyvkar; 1990; 6: 119–126. (In Komi).
  12. Tsypanov EA. About the old specifics of the poems by I. A. Kuratov. *Kuratov iylys' lydd'ömtorjas* = Readings about Kuratov. Syktyvkar; 1990; 6: 127–132. (In Komi).
  13. Tsypanov EA. The ways of the actualization of neologisms in the Komi-Zyrian language. *Linguistica Uralica*. 2014; 1: 53–64. (In Russian).
  14. Lazar O. The Formation of Abstract Nouns in the Uralic Languages. Uppsala, 1975. (In English).
-